

С. К. ГАСПАРЯН, Фигура сравнения в функциональном освещении, Изд-во Ереванского университета, Ереван, 2000, 324 с.

Выход в свет монографии С.К.Гаспарян «Фигура сравнения в функциональном освещении» можно без преувеличения считать важным событием в филологии. Этот труд не только займет достойное место на полках профессиональных библиотек, но и станет настольной книгой для всех, кто интересуется лингвостилистикой и лингвопоэтикой художественного текста, а также стилистикой научной прозы.

Сказанное объясняется особой актуальностью и злободневностью поднимаемых автором вопросов, значение которых для современного этапа в развитии филологии трудно переоценить. Следует подчеркнуть, что сама природа этих вопросов, а также широкий охват материала делают представленное в монографии исследование многоаспектным и многоплановым: содержащиеся в работе выводы и заключения окажутся интересными и полезными для целого ряда филологических дисциплин, среди которых следует в первую очередь упомянуть лингвостилистику, функциональную стилистику, филологическую фонетику, тембрологию, прагмалингвистику и т.д. Многое может почерпнуть в этом исследовании и стилист-литературовед, который, так же как и языковед, изучающий художественную речь, стремится к максимально полному и глубокому постижению эстетического замысла автора, тайны художественной образности, отличающей его неповторимый индивидуальный «почерк».

Какие же вопросы обсуждает в своей монографии С. К. Гаспарян? В центре внимания здесь находится ключевое для филологии понятие «сравнения», которое рассматривается автором

в пределах важнейшей в функционально-стилистическом плане дихотомии «регистр сообщения vs. регистр воздействия». Уже сам этот ракурс, в котором изучается сравнение в данной работе, представляет особый интерес для филологии в целом. Разработанное около полувека назад академиком В. В. Виноградовым учение о функциональных стилях получает здесь новое нетрадиционное развитие. Рассматриваемые в пределах указанной дихотомии функциональные стили предстают как соотношение «реального - нереального», «рационального - иррационального» в языковом выражении.

То обстоятельство, что это соотношение изучается в монографии не как нечто, доступное обнаружению только на уровне «плана содержания», а как то, что реально существует в живом языке и получает конкретное воплощение в звучащей речи, следует считать одним из наиболее важных и серьезных достижений настоящего исследования. Именно перенесение рассматриваемого вопроса в область «звучания» в самом широком смысле слова - т.е. в сферу тембрологии - позволяет автору подняться на совершенно иной уровень лингвистического «мировоззрения», когда на любое языковое явление, к какому бы аспекту языка оно ни принадлежало, исследователь смотрит прежде всего сквозь призму «звучания» - т.е. изучает его «звучащие» характеристики, в которых воплощается его содержание.

При всей кажущейся очевидности такого подхода к предмету нашей науки, здесь тем не менее требуются отдельные разъяснения. Дело в том, что

среди языковедов (не говоря уже о литературоведах, которые, хотя и принадлежат к той же области научного знания, нередко настаивают на своем принципиальном и "непреодолимом" отличии даже от специалистов в таких смежных областях, как лингвостилистика) до сих пор распространено мнение, что изучение письменного текста совершенно не предполагает исследования его звучащей формы. Иначе говоря, фонетика в широком понимании этого термина (включая сюда как сегментные, так и сверхсегментные явления звука, особенности ритмико-просодической организации речи и т.д.) по-прежнему остается как бы "вещью в себе" - изолированной областью исследования, отделенной от остальных лингвистических (и, шире, филологических) дисциплин чуть ли не "Китайской стеной". В особенности эта "изоляция" становится очевидной в тех случаях, когда объектом исследования является письменная речь - различные тексты, относящиеся либо к регистру "сообщения", либо к регистру "воздействия".

Действительно, казалось бы, в функциональной стилистике уже накоплен достаточный опыт тембрологических разысканий, в ходе которых были установлены и определены наиболее общие фундаментальные различия в звучании, отграничивающие произведения речи, направленные на передачу сообщения, от тех, что направлены на оказание эмоционально-эстетического воздействия на читателя (или слушателя). Тем не менее, до сих пор крайне мало работ, где основная дихотомия "Тембр I" и "Тембр II" получила бы дальнейшее развитие на обширном материале различных разновидностей указанных функциональных стилей. Вот почему следует всячески поддерживать позицию С.К.Гаспарян, которая является в полном смысле слова "речеведческой", а потому и наиболее перспективной, как в научно-теоретическом, так и в практическом плане.

Именно речеведческая направленность исследования, четко сформулированная во Введении, позволяет автору

раскрыть не только специфику онтологии фигуры сравнения в двух основных функциональных стилях, но и ее функционально-когнитивные свойства. В этом смысле выбор фигуры сравнения в качестве объекта изучения сам по себе заслуживает отдельного комментария.

Действительно, нельзя не согласиться с автором, что данное явление давно привлекало внимание ученых и существует немало работ в этой области (анализ существующей литературы приводится в главе I "Теоретические основы изучения фигуры сравнения"). Однако, и это особенно важно подчеркнуть, до сих пор сравнение рассматривалось прежде всего как элемент художественного текста - и то, в основном, в литературоведческом и эстетическом плане или, если за исследование брались языковеды, преимущественно в пределах формалистических подходов к изучению языка.

С. К. Гаспарян ставит перед собой совершенно иную и гораздо более сложную задачу - попытаться на материале сравнения показать, как реально функционируют и воплощаются в различных регистрах речи такие важнейшие для филологии понятия, как "метафора" и "метонимия". Такая постановка вопроса поднимает изучение сравнения на принципиально иной уровень - не ограничиваясь материалом словесно-художественного творчества, автор смело вовлекает в исследование обширнейший материал текстов интеллективного регистра. Формулируется совершенно оригинальная концепция: сравнение предстает как бы в двух "ипостасях" - как "когнитивное" (т.е. основывающееся на "метонимии") и как "лингвоэстетическое" (т.е. основывающееся на "метафоре").

Этим вопросам посвящаются последующие главы монографии, каждая из которых имеет вполне законченный характер и могла бы претендовать на отдельную работу. В пределах рецензии было бы невозможно подробно рассматривать каждую из этих глав - остановлюсь только на тех основных моментах, которые, с моей точки зрения, пред-

ставляют особый интерес для теории и практики филологии. Прежде всего, это введение двух пар терминологических обозначений - "метонимическое" сравнение ("метафорическое" сравнение и "когнитивное" сравнение) "лингвопоэтическое" сравнение.

Несмотря на то, что они употребляются синонимично, в них отражаются разные возможности в изучении сравнения: первая пара сосредотачивает внимание исследователя на различиях его онтологических свойств, вторая - на различиях его функционально-коммуникативных свойств.

Последняя пара терминологических отношений требует отдельного рассмотрения, поскольку именно здесь во весь рост встает сложнейшая проблема соотношения устной и письменной речи и весь комплекс возникающих с ней вопросов. Прежде всего, это вопрос о чтении, о связи автора и читателя через текст, о способности читателя разобраться в том, что хотел сказать автор, когда ввел в свой текст то или иное сравнение. Как убедительно показано в работе, в значительном большинстве случаев - не только в художественной, но и в научной прозе - от того, насколько полно воспринято именно сравнение, непосредственно зависит полнота понимания читаемого текста.

Особенно положительного комментария заслуживает здесь также и последовательное воплощение принципов речеведческого исследования при анализе базовых различий между "когнитивным" и "лингвопоэтическим" сравнением. Исходя из уже упомянутой дихотомии "Тембр I" и "Тембр II", соответствующей на уровне звучания функционально-стилистической дихотомии: "сообщение"/"воздействие", а также опираясь на последние достижения в области соотношения устной и письменной речи (в том числе и "внутренней" речи как промежуточного звена в этой цепи), С.К.Гаспарян показывает, как реально, в сверхсегментном и сегментном воплощении, различаются эти основные виды сравнения. Материалы и выводы,

содержащиеся в главах III, IV и V рецензируемой работы, убеждают нас в том, что онтологически различные виды сравнения вполне поддаются выявлению на уровне звучания. Существуют (и это показано на огромном количестве примеров) реальные, четко вычленимые параметры, отличающие интонационно-ритмический рисунок когнитивного и лингвопоэтического сравнения.

Отсюда мы делаем вывод - если эти параметры существуют, значит, им можно и нужно обучать. Иначе говоря, уже само по себе речеведческое рассмотрение данного явления не только выводит нас на совершенно иной научно-теоретический уровень, но и открывает новый путь к практике преподавания этого явления. А это совершенно особое достижение. Хорошо известно, в каком состоянии сегодня находится вопрос о чтении: культура чтения в целом приходит в упадок. Ее все больше вытесняет "псевдокультура", насаждаемая телевидением и другими средствами массовой информации. Экран телевизора или компьютер с его набором игр и других форм развлечений, как правило, отвращает тех, кто раньше были "массовыми читателями", от книги, от письменного/печатного текста. Чтение все больше превращается в "искусство для избранных".

Казалось бы, "филологическое" чтение (т. е. scrupulous лингвостилистический и лингвопоэтический анализ всех элементов текста) как раз и дает ключ к этому искусству. Однако, в современной ситуации и начинающие филологи, студенты соответствующих факультетов университетов, уже нередко лишены того необходимого подготовительного уровня, той привычки к вдумчивому чтению, которая требуется для обучения чтению "филологическому". Сказанным объясняется особое значение данного исследования для решения этой острейшей и злободневной проблемы.

Благодаря обращению к звучащей стороне изучаемого явления, автору удается показать, как, опираясь на вы-

явленные параметры, следует разграничивать когнитивное сравнение от некогнитивного, лингвоэстетического. Более того, как важно понимать, что сам по себе, например, художественный текст вовсе не предполагает, что все использованные в нем сравнения обязательно будут лингвоэстетическими. Кроме того, нередко индивидуальность авторского стиля напрямую зависит от того, какой разновидностью сравнений он пользуется (как это блестяще показано в главе V на сопоставлении видов сравнения у двух авторов Джералда и Лоуренса Дарреллов). Таким образом, и теория, и практика языкознания открывают для себя новые перспективы в этом исследовании.

Последнее, что хотелось бы отметить, — это прагмалингвистический аспект исследования. Здесь открывается новая страница в изучении и строительстве “третьего” — “обучающего” (“моделиру-

ющего”) регистра, цель которого состоит в показе и моделировании основных особенностей данной языковой системы. Работа С. К. Гаспарян вносит ценный вклад в развитие одного из наиболее сложных и недостаточно разработанных разделов этого регистра — “прагмастилики”. Материалы, приведенные в главе VI, убедительно показывают, какими путями должно идти моделирование основных онтологических и функционально коммуникативных свойств сравнения в английском языке.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть значение монографии С. К. Гаспарян для филологической теории и практики. Работы такого рода следует всячески приветствовать как открывающие новые реальные перспективы для нашей науки.

И. М. МАГИДОВА
(Москва)